

Скоростное Библиотекарство

Кто-то однажды сказал, что на самом деле доминирующая форма жизни на нашей планете — это библиотеки. А люди существуют лишь для того, чтобы помогать им плодиться и размножаться.

— Вы все еще смотрите вестерны, баронесса Тэтчер? — спросил я, медленно прохаживаясь перед шеренгой волонтеров, стоявших наготове снаружи нашей библиотеки — небольшого здания в псевдонеотюдоровском стиле, расположившегося в центре Муч Хемлока, что посреди графства Херефордшир, которое, в свою очередь, находится почти в самом сердце Великобритании.

Муч Хемлок был, во всех смыслах этого слова, середнячковым местечком.

— Самые лучшие вестерны это те, которые совсем на вестерны и не похожи, — сказала баронесса Тэтчер, — например, когда они больше смахивают на древнегреческий эпос. Как «Железная хватка», к примеру.

— Мне больше по вкусу «Шейн», — сказал Стэнли Болдуин, который, как мне казалось, воображал себя сладкоречивым человеком, обладающим недооцененной властью и влиянием. Уинстон Черчилль заявила, что они оба неправы и что фильм «Случай в Окс-Боу» гораздо лучше, поскольку в нем поднималась в целом поучительная тема внесудебной расправы. Невилл Чемберлен попыталась примирить их и найти какой-нибудь компромисс, в то

время как Дэвид Ллойд Джордж просто молча сидела рядом и отдыхала, морально готовясь к напряженным шести минутам Скоростного Библиотекарства, которые нам предстояло пережить.

Пожалуй, мне стоит пояснить. Созданная и расхваленная правительством АКроПаСК «Рабочая группа по стратегической разработке и внедрению библиотек в сельской местности» в соответствии с предвыборными обещаниями партии оставила библиотеки открытыми, но сократила число библиотекарей ровно до одного, при этом еще и урезав ему рабочие часы. А это означало, что каждая из двенадцати библиотек графства могла открываться лишь раз в две недели ровно на шесть минут.

И вот тут-то на сцене появлялся отряд лжеполитиков, отобранных лично мною. Благодаря тщательному планированию, быстрым передвижениям, четкому пониманию десятичной классификации книг Дьюи и жесткому следованию инструкции мы могли за отведенные нам триста шестьдесят секунд принять, выдать, отложить и продлить двухнедельный объем книг. Все и вся называли это мероприятие не иначе как *Блицкниг*.

Меня зовут Питер Нокс, но в ближайшие шесть минут для вас я — Джон Мейджор.

— Вы готовы, Стэнли? — спросил я мистера Болдуина, который отвечал за возврат и отложенные книги. На самом деле его звали мистер Слокомб, и он был отставным подполковником королевских ВВС Великобритании. Он был знаменит тем, что потерял ухо, катапультируясь из своего «Хантера» над Аденом. Что примечательно, среди обломков бомбардировщика нашли одно-единственное ухо, которое потом пришили на место. Что еще примечательнее — ухо оказалось не его.

— Всегда готов, командир.

— Мистер Мейджор? — позвала меня миссис Грисвольд, которая обычно заведовала магазином Муч Хем-

лока, почтовым отделением, местными сплетнями и па-бом. — Я не могу вспомнить, кто я — Уинстон Черчилль или Дэвид Ллойд Джордж.

— Вы — Дэвид Ллойд Джордж, — ответил я. — Вы берете книги с полок и передаете их мистеру Чемберлену, который относит их на стойку к миссис Тэтчер, которая передает их Единственному Библиотекару, чтобы та их проштамповала. Это же *так просто*.

— Точно, — сказала миссис Грисвольд. — Дэвид Ллойд Джордж. Поняла.

Для Скоростного Библиотекарства я разработал систему экстренных кодов, и миссис Грисвольд точно подходила под код 3—20: «Лицо, приглашенное в команду *Блиц* из дипломатических соображений, но не приносящее совершенно никакой пользы». Увы, но никто, кроме меня, не знал, что означает код 3—20, поскольку система пока еще не получила того внимания, которое, как мне казалось, она заслуживала. Кстати, у такого положения дел тоже был свой код — 5—12: «Недостаточный интерес к эффективным методикам».

Часы на церкви пробили без четверти одиннадцать, и болтовня затихла. Началось молчаливое ожидание. Мы уже видели, что Единственный Библиотекарь готовится к открытию. Она разрешала нам ставить книги на полки, записывать бронь в журнал и даже пользоваться карточками, но вот ее печати были священные — их могла касаться лишь она. Именно поэтому миссис Тэтчер должна была раскладывать книги и карточки перед Единственным Библиотекарем, чтобы та могла проштамповать как можно больше. Ритмичный стук резиновой печати о бумагу был лакмусовой бумажкой, говорившей об успешности *Блицкнига*.

А еще Скоростное Библиотекарство быстро становилось зрелищным видом спорта. Телевидение, к несчастью, к нам пока не приезжало, но на каждый *Блиц* приходили

местные зеваки, готовые морально поддержать нас и обеспечить после *Блища* чаем, печеньками с тмином, полотенцем, чтобы утереть пот, и массажем. Впрочем, не все зрители приходили, чтобы помочь. Норман и Виктор Маллет были де-факто старейшинами нашего поселка и занимали главенствующее положение почти в каждой собрании, от приходского совета до церковного фонда. Даже когда Муч Хемлок принимал участие в конкурсе от компании «Спик и Спан» «Самый красивый и аккуратный поселок Херефордшира», и тут они были главными. Они не очень-то любили библиотеки и считали, что те «лишь попусту тянут деньги из государственного бюджета».

На этот раз они заявили якобы для того, чтобы поддержать текущего Невилла Чемберлена, роль которого играла супруга Виктора Маллета. Но на самом деле они пришли, чтобы всласть повозмущаться всем, что не вменялось в рамки их узкого мировоззрения, и забрать иллюстрированную копию «Побед и достижений британской колониальной системы», которую Норман просил для себя отложить.

За две минуты до открытия мистер Черчилль, которая должна была заниматься продлением, аудиокнигами и заменой старых журналов на чуть менее старые, дала нам понять, что ей нужно отлучиться в туалет и в ближайшие пятнадцать минут она вряд ли вернется. К счастью, эта проблема не была неразрешимой, ведь мистер Битон, мой давний друг и сосед, был еще и дублером, готовым взяться за любую роль.

— Сможешь изобразить Черчилля? — спросил я.

— «Мы никогда не сдадимся», — широко улыбаясь, ответил он, а затем глубоко, с надрывом закашлялся.

— Вы хорошо подумали? — негромко сказал мне Стэнли Болдуин. — Мне кажется, ему нездоровится.

— Мистер Битон в превосходном здравии! — как можно более обнадеживающе заявил я, хотя в действительности оснований для этого у меня не было: у мистера Битона было столько болячек, что его скорее следовало называть не пожилым человеком, а ходячей медицинской загадкой. За всю свою долгую жизнь ему посчастливилось избежать лишь двух недугов: «теннисного локтя» и смерти.

Так мистер Битон, ставший Уинстоном Черчиллем, послушно занял свое место у тачки, в которую были аккуратно сложены сорок шесть книг, отсортированных по номерам полок, чтобы их было удобнее туда возвращать. Я кивнул Дэвиду Ллойд Джорджу, обращая ее внимание на неожиданную замену в составе команды, и она кивнула мне в ответ. Затем мы увидели, как Единственный Библиотекарь подходит к главному входу в библиотеку и смотрит на часы, чтобы убедиться, что она не откроет двери ни на секунду раньше срока.

А это было действительно важно. Снаружи стояли два сотрудника Отдела по контролю времени открытия библиотек Херефордшира, вооруженные планшетами и секундомерами. Работа обоих оплачивалась — причем достойно — Рабочей группой по стратегической разработке и внедрению библиотек в сельской местности, в которой на данный момент трудилось чуть менее четырех тысяч человек. По чистой случайности, *ровно* столько же библиотекарей оказались не нужны для выполнения предвыборных обещаний АКроПаСК.

Я посмотрел на собственные часы.

— Стрелки говорят, пора начинать наше шоу.

Единственный Библиотекарь сдвинула щеколду в сторону, и дверь распахнулась. Мы вошли внутрь по-военному четко, Уинстон Черчилль толкал перед собой тачку с книгами на возврат, а Мэгги Тэтчер тем временем запустила секундомер.

— Доброе утро, — поприветствовал я Единственного Библиотекаря.

— Доброе утро, мистер Мейджор, — нараспев ответила она. — Как думаете, мы успеем сегодня выполнить план?

— С такой же легкостью, с какой заключили Маастрихтский договор, — ответил я, стараясь излучать уверенность, хотя на самом деле я думал, что мы справимся с возвратами и выдачей, но не успеем оформить продления и отложенные книги. Наша команда быстро разошлась по своим местам: мистер Черчилль, миссис Тэтчер и Стэнли Болдуин отправились напрямик к стойке и передали книги Единственному Библиотекарю. Через несколько секунд воздух наполнился ритмичным стуком — тук-тук-тук, — говорившим о том, что работа пошла.

В то же время Дэвид Ллойд Джордж и Невилл Чемберлен заспешили к полкам и начали переключать заранее заказанные читателями книги на тачку, готовясь передать их на стойку в тот же миг, когда с возвратами, продлением и бронью будет покончено. И тогда же мистер Болдуин вместе с Невиллом Чемберленом смогут поставить возвращенные книги на полки.

— Время? — громко спросил я.

— Прошло девяносто секунд, мистер Мейджор, — ответила миссис Тэтчер.

Все шло как по маслу, пока стук печати Единственного Библиотекаря вдруг не прекратился. Это означало, что в системе произошел сбой, и одновременно с этим Невилл Чемберлен объявила, что не может найти экземпляра «Планеты людей».

— Поищите в «Авиации», отдел три-восемь-семь, — сказала Единственный Библиотекарь, демонстрируя свое глубочайшее знание классификации Дьюи.

Пока Невилл разбиралась, на своем ли месте стоит Антуан де Сент-Экзюпери, я подошел посмотреть, из-за

чего застопорилась обработка возвратов. Оказалось, что произошел код 2—76: миссис Дибли задержала книгу «Генри Форд и другие примеры для подражания для озлобившейся молодежи» на восемнадцать недель дольше положенного, и Единственный Библиотекарь заполняла бланк для штрафа.

— Эта леди явно не собиралась ничего возвращать, — сказала миссис Тэтчер, указывая на задержанную книгу. Я поморщился. Сегодняшний *Блиц* точно будет не из простых, но пока что ситуацию еще можно было спасти.

— Как у вас дела с «Планетой людей», мистер Чемберлен? — крикнул я в сторону полок. В тот же миг Дэвид Ллойд Джордж подкатила к стойке тележку, полную книг на выдачу.

— С «Планетой людей»? Да я принесла вам мир для всех людей!¹ — ответила Невилл Чемберлен, победно поднимая нужную книгу.

Единственный Библиотекарь переключилась с возвращенных книг на выдаваемые, и ее печать застучала по-другому: тук-тук, тук-тук. Один удар приходился по библиотечной карточке, а второй — по графе «вернуть до...» в читательском билете, вложенном в начало книги. Следующим этапом была расстановка книг по полкам, и к тому моменту, когда миссис Тэтчер объявила, что «осталось две минуты», мы уже почти закончили, и наш небольшой отряд смог немного расслабиться. Этот *Блиц* мы наверняка закончим даже раньше срока. Я как раз возвращал экземпляр пугающе популярных «Величайших речей Сесила Родс в пересказе Освальда Мосли» в раздел «Аудиокниги», когда услышал позади себя:

---

¹ Отсылка к заявлению Н. Чемберлена от 30 сентября 1938 года, в котором он, демонстрируя толпе бумагу с подписью Адольфа Гитлера, заявил о том, что Германия в ближайшее время не будет представлять военную угрозу. (*Прим. пер.*)

— Я могу задать вам вопрос?

Я мгновенно замер, поскольку узнал этот голос. Я уже давно его не слышал, да и не думал, что когда-нибудь услышу снова. Негромкий, но с отчетливым юго-западным акцентом и легкой вопросительной интонацией. Я медленно повернулся, не зная, что сказать или сделать, и увидел перед собой Конни. Она смотрела на меня так же пронзительно, как и раньше, когда мы, будучи первокурсниками университета Барнстапла, засиживались вместе до ночи и пили кофе.

— Конечно, — сказал я, не понимая, узнала она меня или нет.

— Это вопрос о книге, — просяив, добавила она. Похоже, она совсем меня не узнала. Как ни странно, я почувствовал облегчение. Когда-то она мне нравилась, хотя я этого и не показывал, и, думаю, она чувствовала ко мне то же самое. Но после нескольких свиданий — она их таковыми, конечно, не считала, зато я мысленно называл их именно так, — ее попросили покинуть колледж, поскольку суд пересмотрел правовой статус ее приема. На этом все и закончилось. Я всегда хотел снова повидаться с ней, и в ближайшие недели мне предстояло частенько ее видеть. И через три месяца, во время битвы у Мей Хилл, я буду стоять рядом с ней, вдыхая запах паленой резины и бездымного пороха и слушая далекие отзвуки артиллерийской канонады. Но в тот момент я, конечно же, об этом не догадывался, да и она, наверное, тоже.

— Ну, вы же все-таки в библиотеке, — сказал я, надеясь, что она не заметит внезапно охватившего меня замешательства. — Что вы хотели узнать?

По правилам, она вообще не могла здесь находиться, и вовсе не потому, что была крольчихой. Несмотря на то что жители городка *формально* имели право входить в библиотеку в рабочие часы, на практике этого никто не делал. Все-таки мы всего лишь исполняли свой граждан-

ский долг, помогали обществу, а общество, в свою очередь, нам не мешало и разрешало продолжать трудиться от его имени. Так что я решил, что Конни — не просто моя старая знакомая, но еще и код 4–51: «Неопознанная гражданка в библиотечарском пространстве».

— Я ишу книгу «Крольчиха и предубеждение», — сказала она. — Она похожа на классический роман Остин, но действие происходит в крольчатнике и завязано на ушах, сексе, морковках, рытье норок и сексе.

— Вы сказали про секс дважды.

— Да, — сказала Конни, два раза моргнув. — Я знаю.

В отличие от людей, кролики почти не старели с возрастом — если им, конечно, вообще давали состариться. Вот и Конни практически не изменилась за те тридцать с лишним лет, что я ее не видел. Она была самой обыкновенной Дикой крольчихой с коричневой шубкой, хотя ниже ростом и более хрупкого телосложения, чем большинство других представителей ее вида. На ней было коротенькое летнее платье в горошек, а поверх него — бледно-голубой кардиган на пуговицах. Ее длинные изящные уши были украшены маленькими сережками-гвоздиками — четыре посередине правого уха и три у основания левого. Сейчас, как и прежде, ее самой яркой чертой были глаза — большие и выразительные, один — ореховый, а второй — бледно-лиловый, цвета колокольчиков.

— Вы в порядке? — спросила она. Наверное, я слишком долго пялился на нее.

К счастью, именно в этот момент подала голос Невилл Чемберлен.

— «Крольчиха и предубеждение» должна быть в разделе шесть-три-два точка шесть-шесть, — сказала она, имея в виду номер из классификации Дьюи, относившийся к разделу «Техника (прикладные науки)/Сельское хозяйство и родственные отрасли/Уничтожение вредителей». Ответ был оскорбительным и предсказуемым.